

Тётушка Кан получила пощёчину, её глаза расширились от недоверия, она схватилась за лицо.

— Мама, ты... — она была сильно обеспокоена.

— Ты была в нашем доме с самого детства, тебя хвалили и превозносили, так что ты на всех смотришь свысока: и на своего зятя, и невесток, и на закон, и на родственников... — со слезами сказала госпожа Ван. — Ты считаешь, что все должны делать так, как ты хочешь, если у тебя есть хоть малейшее недовольство, ты обижаешься, и всегда желаешь мести! До сих пор ты творила столько недопустимых вещей! Ты переступила черту, и я... Я не могу защитить тебя!.. — она залилась слезами, её старое, испещрённое морщинами лицо, было искажено от боли.

Ван Ши облегчённо вздохнула и с благодарностью посмотрела на мать, её брат не выдержал и, казалось, хотел что-то сказать, но его жена дёрнула его за рукав и он закрыл рот.

Тяжёлый камень упал с сердца Шен Хуна. Лучше было иметь дело с тётушкой-сестрой-жены, чем иметь дело с женой. Он повернулся, чтобы посмотреть на Минлань, но увидел, что его младшая дочь стоит, неподвижная, и молча смотрит на госпожу Ван с очень странным выражением лица. Она казалась немного разочарованной, и слегка восхищённой одновременно.

— Мама! — тётушка Кан, наконец, пришла в себя и скорбно закричала. — Ты собираешься бросить свою дочь?! — она была так напугана, что её голос дрожал.

Она не могла в это поверить, все эти годы её мать всегда говорила с ней, ругала её, и в конце концов всегда была готова помочь ей! Однажды она изменила мужу и едва не отправилась к королю ада вместе со злым семенем в своем животе. Муж чуть не написал ей письмо о разводе. Но разве мать не защитила её тогда? Всё прошло гладко! После стольких испытаний, выдержанных сильных ветров и волн, и это препятствие обязательно будет преодолено!

Она присела рядом с коленями матери и продолжила плакать.

— Мой брак был решён моим отцом. В последние несколько десятилетий моя жизнь была хуже смерти! Теперь моя мать хочет бросить меня, как родители могут быть такими жестокими?!..

— Хватит оскорблять память своего отца! — госпожа Ван была в ярости. — Среди всех своих детей, твой отец выбрал самый достойный брак для тебя! Ради многолетней службы на северо-западе он оставил твоего старшего брата в школе Чэн Да Ши! Твоя младшая сестра была доверена моему дяде! Только ты всегда была рядом с нами!.. Но все эти годы, разве ты была достойна своего отца?! На этот раз я не могу скрыть твой проступок! Вот как ты отвечаешь на

привязанности своих родных!

Думая о своей старшей дочери, красноречивой с детства, и о том, что она была кокетливой перед родителями, и показывала себя умнее, чем её твердолобый сын, и умнее, чем прямолинейная младшая дочь, госпожа Ван не могла не ощущать боль. Она не хотела, чтобы её дочь стала настолько испорченной, и вызвала подобную катастрофу. Она снова залилась слезами.

— Зять благодарит тещу за справедливость, — Шен Хун был тронут и поклонился госпоже Ван.

Минлань закатила глаза.

Лицо тётушки Кан было бледным, а глаза странно блестели. День и ночь унижений, смрада и города, заставили её тело отяжелеть, но ситуация снова заставила её ощутить прилив сил, хотя её разум и не был ясен. «Зять благодарит тещу за справедливость» эхом раздавались в её голове снова и снова.

— Ладно, ладно! — она резко встала и усмехнулась, смотря на мать, брата и невестку. — Я не так хороша, как моя сестра, брат, зять — все они успешны, мой муж тоже прекрасен. Естественно, я в материнском сердце занимаю совсем другое место! У меня нет способностей, я не могу винить своих родителей в том, что они смотрят на меня свысока! Теперь даже мои близкие могут наступить на моё лицо... Я... Мне лучше умереть!.. — сказав это, она бросилась к стене.

В это время в комнате было не так уж много служанок. Увидев, что тётушка Кан вот-вот врежется в стену, Лиу Кун перехватила её и крепко схватила её за руки. Она служила Ван Ши с детства и очень хорошо знала привычки её старшей сестры. Её не сразу отправили вместе с Ван Ши в поместье Шен, поэтому она стала свидетельницей нескольких сцен, которые тётушка Кан устраивала, когда возвращалась в дом своих родителей, чтобы поплакаться после свадьбы. После того как госпожа Ван сделала выбор, Лиу Кун следила за каждым движением тётушки Кан.

От ударов грудь и живот Лиу Кун разболелись, она с трудом выдохнула:

— Боюсь, вы устали, госпожа.

Тётушка Ван сделала несколько шагов вперёд и схватила тётушку Кан за руку и с тревогой произнесла:

— Я думаю, старшая сестра в замешательстве, ей нужно вернуться и отдохнуть.

Она ничего не хотела говорить, но она понимала, что тётушка Кан продолжит и дальше устраивать сцену. Семья Шен в последние годы была довольно влиятельна, лучше было

закончить всё это побыстрее.

Тётушка Кан была так сильно схвачена, что не могла двигаться, поэтому она могла только кричать:

— Я хочу умереть! Дайте мне умереть!

— Тётушка сказала, что моя главная госпожа напугана и устала, поэтому говорит абсурдные слова, — тут же воспользовалась случаем старшая служанка Ци, её ум был очень ясен. — Пожалуйста, не держите обиды. Почему бы вам не позволить мне отвести мою госпожу отдыхать?

Им стоило уйти первыми.

Госпожа Ван шевельнулась, и уже собиралась кивнуть, когда Минлань, улыбнувшись, произнесла:

— Хотя древо семьи Шен не такое древнее и ветвистое, как древо семьи Кан, в нашем поместье есть довольно много комнат, которые тётушка Кан может использовать для отдыха. Старшая служанка Ци может сопроводить тётушку, чтобы отдохнуть.

— Она так долго пребывает в беспокойстве, — старшая служанка Ци взяла тётушку Кан за руку и улыбнулась. — Зачем нам беспокоить вас? Кроме того, отдых всегда комфортнее в стенах собственного дома. Что вы думаете, госпожа Ван?

Госпожа Ван также надеялась, что эту ситуацию получится замять, поэтому она решила попробовать всё-таки затушить эту пороховую бочку и сказала, обращаясь к Шен Хуну:

— Добрый зять, моя старшая дочь сейчас сбита столку, почему бы тебе не позволить ей для начала вернуться? Затем, давай поговорим.

Шен Хун уже собирался кивнуть, когда услышал, как Минлань торопливо произнесла:

— Это совершенно невозможно.

Госпожа Ван была поставлена Минлань в неловкое положение уже несколько раз, и она снова вмешивалась! Госпожа Ван была недовольна. Шен Хун увидел, что его тёща в плохом настроении и тут же закричал:

— Не будь такой грубой!

— Отец, это не я груба, — снова улыбнулась Минлань. — Но я вынуждена сказать сейчас неприятные вещи, — она повернулась к госпоже Ван. — Вы хотите, чтобы тётушка Кан вернулась домой, но что, если она сбежит?

Тётушка Ван едва не рассмеялась, но успешно сдержалась. Госпожа Ван была очень недовольна.

— Я помню, какой ты была, когда была маленькой, — торжественно произнесла она. — Сейчас из-за серьёзной болезни твоей бабушки у тебя помутился рассудок, ты говоришь глупости. Ты думаешь, что моя семья Ван — как рынок, и среди нас есть воры? Мы все — члены высокопоставленной семьи, ты не можешь так говорить!

— Трудно сказать, что можно говорить, а что нельзя, — с сарказмом произнесла Минлань. — Вы способны отравить человека с помощью яда, что ещё вы не можете сделать? Если моя тётя действительно сбежит, должен ли мой отец отправиться бить в барабан и докладывать чиновникам, чтобы её разыскивали по всему миру?

— Зять, у вас очень благовоспитанная дочь! — с мрачным выражением лица госпожа Ван повернулась к Шен Хуну.

Шен Хун ответил не сразу, он некоторое время задумчиво смотрел на свою дочь.

То, что только что сказала Минлань, было сказано не столько для семьи Ван, сколько для него самого. Сейчас его дочь стремится добиться справедливости для пожилой госпожи Шен, и если она не сможет наказать тётушку Кан, она не сдастся. Собственный отец ничего не значит для этой девушки, как и вся её родительская семья, когда на чаше весов справедливость для её бабушки. Если тётушка Кан осмелится сбежать, вероятно, она немедленно отправится бить в барабан и доложит всё правительственным органам. Тогда все они будут опозорены!

Он должен был выбрать меньшее из двух зол.

— Моя жена и её сестра должны оставаться в этом поместье ещё некоторое время, — избегая взгляда тётки, произнёс он. — Моя мать всё ещё не пришла в себя, если я позволю преступнику так просто уйти, я буду никчёмным сыном.

Минлань хотелось аплодировать своему отцу — этот достойный сын чиновничества смог обернуть отказ себе на пользу! Госпожа Ван была переполнена разочарованием.

— Ты, иди первой, — ей ничего не оставалось, кроме как с суровым выражением лица обратиться к старшей дочери. — После я скажу тебе, что будет дальше.

Люйчжи уже позвала двух старших служанок, одна из них крепко схватила тётушку Кан и вывела её.

— Вы все хотите посмотреть, как я умру! — голосила та. — Семья Шен хочет, чтобы я умерла из-за их старухи! Какая жестокая мать, отбрасывающая свою плоть и кровь!

Мольбы сменились на ругательства, злобные слова были невыносимы. Госпожа Ван вытерла слёзы, понимая, что её дочь наполовину сошла с ума, и сказала:

— Зять, подумай об этом...

Жаль, что её дочь не могла слышать, что говорила её мать, и продолжала голосить:

— Отец ругает, а дочь даёт мне пощёчину! Родители полны решимости бросить меня! Вы не желаете жалеть свою дочь!.. Вы...

Шен Хун горько улыбнулся, на этот раз он действительно был обижен. Но, к сожалению, ситуация вынуждала его действовать осторожно. Тётушка Кан не знала, была ли это идея Шен Хуна, заключить её в тюрьму, поэтому она просто думала, что отец и дочь солидарны в этом вопросе.

Звук проклятий постепенно стих, а затем резко прекратился. Все подумали, что служанки использовали свои средства, чтобы заткнуть тётушку Кан, старшая служанка Ци забеспокоилась и всё-таки вышла, чтобы пойти к ней.

Госпожа Ван посмотрела на фигуру, удаляющуюся от двери, огорчённую и невысокую, взяла себя в руки и, встав, подошла к Шен Хуну и затем опустилась на колени. Шен Хун тут же испугался.

— Тёща, пожалуйста, вставайте, — он опустился на колени рядом с ней, чтобы позволить ей встать. — Как вы можете преклонять колени перед своим зятем?!

Дядюшка Ван и тётушка Ван поспешили на помощь, Ван Ши тоже хлопнулась на колени рядом с матерью и разрыдалась.

— Две мои дочери ужасны, как я смею смотреть на вас и просить вас общаться с моей семьёй! — посетовала госпожа Ван, взяв Шен Хуна за руку. — Хотя вы и мой зятьб, наши отношения несравнимы с отношениями матери и сына! Когда вы пришли в мой дом в том году, вы мне очень понравились, как только я увидела вас! Многие люди уговаривали меня отказать, говорили, что ваша семья слишком бедна! Но я чувствовала, что вы — выдающийся потомок своей семьи, вы способны и лучше, чем мой собственный сын. Позже, когда я согласилась на брак, я ничуть не пожалела, хотя многие говорили мне, что вы недостойны моей младшей дочери, но я чувствовала, что ваш талант и характер велики, что вы достойный человек!..

На самом деле, когда семьи Ван и Шен заключали брачный союз, это определённо было социальным лифтом для Шен Хуна. Госпожа Ван колебалась, но ей очень понравился Шен Хун.

За это он был благодарен ей на протяжении многих лет.

Госпожа Ван продолжала говорить об этом, затрагивая всё от помолвки до свадьбы, от семьи до чиновников, говоря о том, как она ценила и заботилась о Шен Хуне, как помогала ему во всём, и о своей доброте и праведности. Слёзы катились из её глаз, Шен Хун, тронутый, также расплакался.

Минлань смотрела на всё это с холодом во взгляде, она ничего не говорила, только слушала душевный и трогательный рассказ госпожи Ван. Постепенно она перешла к интересующей её теме:

—...Хотя мы с твоей матерью уже давно почти не общаемся, я не могу не восхищаться её характером. Когда я услышала, что она тяжело больна, я могу лишь молить о том, чтобы поменяться с ней местами. Ваша мать такой благовоспитанный благородный человек! Даже думая об этом, я не хочу, чтобы три семьи восстали друг против друга, перестали быть родственниками и стали врагами...

Шен Хун был очень тронут, он вытер слёзы и почти кивнул головой, и открыл рот, чтобы произнести «да-да», когда вдруг со стороны раздался смешок и Минлань медленно подошла к Кань Цзиню, улыбаясь.

— Двоюродный брат Кан.

Кан Цзинь по натуре своей был очень честен, но в то же время немного труслив. С тех пор, как его мать привели сюда, он всегда стоял в углу и тихо плакал. Услышав её обращение, он не мог не испугаться.

— Двоюродная сестрица Шен...

— Я молода и не знаю прошлого, — тихо произнесла Минлань, но её голос был чётким и ясным. — Сегодня я услышала о прошлом от госпожи Ван, и я была очень тронута, — она неожиданно рассмеялась. — Я чуть было не подумала, что мой отец воспитывался ею! Пожалуйста, поправьте меня. Известные учителя, которые посещали моего отца, обучение, связи и деньги, позволившие ему пребыть в столицу и сдавать императорские экзамены, всё это не заслуга моей бабушки, а госпожи Ван?

Лицо Шен Хуна покраснело. Если бы он сказал, что его тёща относилась к нему хорошо, то она была бы к нему ещё более милостива. Это выглядело бы так, будто он не искал справедливости для пострадавшей матери, и из-за признательности к тёще готов был отпустить убийцу своей матери.

Его мимика была натренирована за годы службы чиновником, он умел плавно управлять своими эмоциями в критической ситуации, поэтому сдержался и вздохнул:

— Тёща хорошо ко мне относится, но я не знаю, сможете ли вы меня простить.

Внезапно госпожа Ван подверглась презрению и насмешкам, её слова не попали в точку, как она рассчитывала. Увидев, что Шен Хун потрясён, она поняла, что её ожидания не оправдались.

Она стиснула зубы и продолжила давить на чувства.

— Мой добрый зять, эти два запутавшихся человека совершили огромную ошибку, но они моя плоть и кровь... Я не могу отказаться от них, не могу отказаться... Посмотри на моё старое лицо, только тебе решать, сможешь ли ты простить одну или двух... В ближайшие дни они будут поститься и есть вегетарианскую пищу, поклоняться Будде, читать сутры и молиться за твою мать. Что ты думаешь?..

— Это... — Шен Хун замялся. — Боюсь, это неправильно.

Он и Минлань уже обсудили это предложение, и Минлань отклонила его.

Минлань ощутила презрение ко всем присутствующим.

— Если моя бабушка сможет восстановить своё прежнее здоровье, я также буду поститься, читать сутры и молиться Будде всю оставшуюся жизнь, — громко произнесла Минлань. — Моя бабушка была очень добра ко мне, моему отцу, моей законной матери, моему брату и сёстрам. Кто из нас не захочет поститься и читать сутры, вознося мольбы Будде? Нет нужды беспокоить тётушку Кан!

— Правильно, сыновняя почтительность — основа семьи, — Шен Хун быстро распрямил плечи. — Все дети семьи Шен должны помнить об этом. Их долг — соблюдать пост и читать священные писания ради своей бабушки.

— Более того, когда моя тётушка уходила, она была переполнена ненавистью, — Минлань подкинула ещё дров в костёр. — Небеса знают, о чём она будет просить Будду! Не нужно проклинать пожилую госпожу Шен, чтобы она умерла!

— Те, кто ещё не искупил свои грехи, не имеют лица, чтобы служить Будде, — произнёс Шен Хун. — Они не боятся осквернить святые места!

Его выражение лица было возвышенным и одухотворённым, он был почтительным сыном на протяжении десятилетий.

Услышав слова отца и дочери, госпожа Ван пришла в ярость.

— Тогда что вы скажете?!

Шен Хун потёр бороду и, не говоря ни слова, отвернулся с болью на лице.

— Моя законная мать не знала подробностей, и её судьбу можно обсудить отдельно, — Минлань взяла всё в свои руки. — Но моя тётя нашла того, кто сделает смертельный яд. И это порочный поступок, ценой которого стала жизнь другого человека. Доказательства имеются, они подробные и чёткие, нет причин уклоняться и отрицать её вину. Решение очень простое. Белый шёлк или стакан ядовитого вина, она должна расплатиться своей жизнью.

Ван Ши спряталась за Лиу Кун и вздохнула с облегчением. Госпожа Ван растерялась.

— Вы хотите её жизни?

— Долг должен быть уплачен. Убивая людей, преступник должен быть готов расплатиться своей жизнью, это закон, и это правильно, — категорично заявила Минлань.

Госпожа Ван закатила глаза, её тело обмякло, и она потеряла сознание. Тётушка Ван поспешила привести её в чувства.

— Как ты можешь быть таким смелым ребёнком! — сердито произнёс дядюшка Ван. — Держи свой рот на замке, ты заслуживаешь смерти! Эта твоя тётя! Как ты можешь требовать её жизни?! Даже если твоя тётя умрёт, твоя бабушка может не выздороветь! Нужно прощать людей! Твоя тётя уже признала, что была неправа!

— Отец, ты согласен с этим? — громко спросила Минлань, заметившая, что Шен Хун собирается самоустраниться, и схватила его за рукав.

У Шен Хуна не было иного выбора, кроме как скривиться и сурово произнести:

— Слова моего зятя плохи. Жизнь твоей сестры — важна, а жизнь моей матери не важна? По словам зятя, нужно просто признать свою ошибку? Если жизнь не имеет цены, тогда почему за все эти годы казнили стольких преступников? — но он также не хотел идти против своей тётчи, поэтому добавил:

— Тёща нездорова, поэтому мой зять должен решить этот вопрос. Нельзя безнаказанно причинять вред моей матери!

Красноречие дядюшки Вана было не таким хорошим, поэтому он не смог ответить. Его жена решила высказаться вместо него и мягко произнесла:

— Почему вы должны быть такими категоричными? В конце концов, старушка ещё не умерла.

— Наша семья Шен не безжалостна и неразумна, — кивнула Минлань. — Если моя бабушка выживет, мой отец не станет просить мою тётю умереть. Но лекарь сказал, что сок почек гингко очень силён. Даже если жизнь будет спасена, возможно, её руки и ноги онемеют. Если так... — она усмехнулась. — Я попрошу кого-нибудь, чтобы они помогли моей тёте с её руками и ногами.

Тётушка Ван ахнула, она не ожидала, что эта маленькая девочка будет такой жестокой. В попытке заступиться за тётушку Кан она не была искренней, поэтому в этот момент она потеряла дар речи. Сын и невестка были полностью бесполезны, поэтому госпожа Ван была вынуждена «проснуться».

Так как молить о пощаде было бесполезно, она опустила лицо.

— Мой зять теперь богат, а дела его семьи процветают всё больше, поэтому ему наплевать на семью его жены! Что ж, ты послушный сын, и ты должен использовать нашу семью, чтобы соответствовать своей хорошей репутации, но я не могу игнорировать любовь к плоти и крови. Я спрашиваю сегодня, что, если я этого не сделаю?!

— Если это не может быть решено в частном порядке, это будет решено публично, — Шен Хун внимательно посмотрел на всех в семье Ван.

Эти дни, наконец, заставили его понять одну вещь. На самом деле, как только новость об отравлении пожилой госпожи Шен распространится, это станет скандалом для всех семей — и Шен, и Ван, и Кан, но последствия будут разными.

Минлань была замужем, поэтому пострадает меньше всего, семья Шен теперь была жертвой, и следующей по степени последствий, но семью Ван неизбежно обвинят в том, что их дочь запуталась и совершила ошибку, была порочной и злой. Их будут критиковать и высмеивать. Семья Кан была больше и влиятельнее, но тётушка Кан была женой в их семье. Чтобы избежать большей части последствий, господину Кан будет достаточно написать письмо о разводе. Шен Хун сильно сомневался в том, что он не сделает этого.

— Моя семья невиновна, как я могу терпеть такую ядовитую женщину? Я давно хотел уйти, но терпел всё это ради репутации семьи Шен, — произнёс Шен Хун.

Конечно, среди них всех самой влиятельной является семья Ван.

Однако убийство старшего — это серьёзное преступление. Были замешаны обе дочери семьи Ван. Одна запуталась, другая спланировала отравление со злым умыслом. Что станет с официальным статусом семьи Ван и их сыновьями? Несомненно, даже таблички, хранящиеся в родовом зале Фэнсянь, будут удалены. Разве господина Ли Гэ убрали оттуда через двадцать лет после его смерти из-за его недостойных детей и внуков?

В семье Ван также есть две старшие дочери, обе замужем в известных семьях. Как только эта

история распространится, смогут ли они хорошо жить в домах своих мужей? Более того, помимо них есть ещё множество людей из семьи Ван.

Шен Хун снова взглянул на дядюшку Вана и его жену, и подумал, что даже если его тёща готова пойти далеко, чтобы защитить свою старшую дочь, другие могут этого не захотеть.

На самом деле, он тоже хотел добиться справедливости для пожилой госпожи Шен, но он надеялся заплатить за это меньшую цену из всех возможных.

До сих пор, поскольку он не мог сгладить ситуацию, он должен был укреплять свою уверенность, и не мог позволить людям увидеть, что он думает, и говорить, что он не думает о доброте своей матери и не думает о возмездии. Он должен был быть подобен листу, который несёт ветер.

Более того, в конечном счёте виновата была дочь семьи Ван, а не семьи Шен, и это семья Ван пусть истекает кровью, если хочет. Почему семья Шен должна глотать обиду и прощать? Лучше всего было бы быстро разобраться с тётушкой Кан, Минлань больше не застилает глаза гнев, семья Ван уступила, теперь три семьи должны были решить этот вопрос вместе, после чего воцарится мир! Амиабха!

— Я всегда передавал учения предков своей семье, — голос Шен Хуна был полон боли, гнева и отчаяния. — Я учил всех своих детей добродетели. Я никогда не думал, что нечто подобное может случиться в моей семье! — он глубоко вздохнул. — Я очень устал, если моя тёща действительно не может этого понять, я вынужден доложить чиновникам!

Лицо тётушки Ван исказилось от ярости, когда она уже открыла было рот, госпожа Ван усмехнулась.

— Я знаю, о чём вы думаете! Я оглянусь на семью Ван и не посмею придать этому большого значения! Подумайте о том, что для моей старшей дочери она просто свекровь её сестры! Твоя мать не умерла, но моя дочь должна быть замучена или сослана! Если мы залатим немного больше, мы всегда можем получить мягкий приговор! Но твоя жена — это невестка, совершившая преступление против свекрови, её прямой родственницы! Какого наказания для невестки, убившей свою свекровь?! Я отлично знаю! А её дети?!

Шен Хун был поражён, его сердце похолодело.

Ван Ши с недоверием посмотрела на свою мать и спросила:

— Мама, ты хочешь, чтобы я умерла, чтобы защитить свою сестру?

Она всегда чувствовала, что её мать любит старшую сестру больше, но она никогда не думала, что она пойдёт на такое. Она не хотела верить в услышанное.

Как может госпожа Ван хотеть, чтобы её младшая дочь умерла, но борется со своим зятем, который был безжалостен и уже готов вынести ситуацию на публику ради старшей дочери? Она заставляла семью Шен сделать шаг назад, чтобы обе её дочери были спасены, а теперь говорит это? В этот момент госпожа Ван не желала объяснять причин, она ожесточила своё сердце и не смотрела на свою младшую дочь.

— Мой зять учёный, он знаком с законами. Так каково же наказание для невестки, убившей свою свекровь? — продолжила насмехаться над Шен Хуном она.

На лбу Шен Хуна выступил пот, он упёрся руками в колени — спустя столько лет ему было трудно выносить подобное. И это не говоря уже о карьере старшего сына, которой он дорожил больше всего!

Увидев его сомнения, госпожа Ван стала ещё более наглой и громко произнесла.

— Это действительно большое дело, никто не сможет выйти сухим из воды! Мой зять должен подумать об этом! — затем она смягчила свой голос и продолжила. — В этом деле полный бардак. Твоя мать — человек из семьи Шен. Лишь немногие из нас знают об этом деле. Когда пожилая госпожа Шен проснётся и встанет, ей даже не нужно ничего говорить об этом деле, чтобы она не грустила и не заболела снова... Когда я вернусь, я обязательно накажу свою старшую дочь, а затем и младшую! Она будет почтительной к своим старшим. В будущем мы по-прежнему будем семьёй. Так будет лучше, верно?

Шен Хун был так потрясён услышанным, что не смог не посмотреть на Минлань. Она была разгневана, её пальцы слегка дрожали, кровь прилиwała к голове, а к горлу подступило отвращение. Ей хотелось очень плевать на ненавистное лицо госпожи Ван.

Госпожа Ван проследила за взглядом Шен Хуна, понимая, что корень проблемы всё это время заключался в Минлань и, притворившись доброй, сказала:

— Хорошая девочка, я знаю, что ты почтительна и хочешь справедливости для своей бабушки. Но как твоя мать воспитывала тебя более десяти лет? У тебя хватит духу смотреть, как она умрёт? И твой старший брат и старшая сестра, её родные дети... Ты настаиваешь на том, чтобы это стало известно, что будет с ними?

Это был наполовину уговор, наполовину угроза. Минлань усмехнулась. Если бы она этого боялась, то не стала бы упорствовать до этого момента. Суть заключалась в том, что у неё не было ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестёр. Её воспитывала и любила одна лишь бабушка. Она рассердилась и пожалела, что не убила тётушку Кан сразу же! Ей хотелось воткнуть шпильку в её шею!

Минлань глубоко вздохнула и уже собиралась отругать эту противную старуху, когда услышала от двери знакомый мужской голос.

— Тебе было сложно. Сестра, не волнуйся.

Обернувшись, она увидела Чанбая, одетого в потрёпанные зелёные одежды, его волосы были растрёпаны, на лице и волосах виднелся иней. По нему было件нятно, что он сильно спешил. За ним стоял высокий мужчина в алых одеждах, им был Гу Тинье.

Шен Хун встал и, когда Ван Ши увидела своего сына, она почувствовала одновременно и стыд, и облегчение, и закричала:

— Мой сын, ты здесь!

В этот момент она думала, что Чанбай самый надёжный человек во всём мире.

Увидев своего мужа, Минлань не знала, радоваться ей или горевать. Они не виделись уже несколько дней. Подумав о том, что без его согласия она самовольно использовала охрану поместья хоу, опечатав особняк своей семьи, арестовывая и похищая людей, она поняла, что ей ожидают серьёзные проблемы и, опустив голову, спросила:

— Разве хоу не должен быть в западном лагере?

Гу Тинье вначале поприветствовал Шен Хуна, а затем коротко кивнул госпоже Ван и дядюшке Ван, и подошёл к своей жене.

— Господин Гунсунь сообщил мне о случившемся в письме, я поспешил вернуться.

— Всё в порядке, — Минлань чувствовала себя виноватой из-за того, что он вынужден был отложить свои дела и поспешить сюда.

— Пока нет войны, у генералов меньше работы, чем у гражданских чиновников, — улыбнувшись, ответил Гу Тинье.

Госпожа Ван не могла перестать улыбаться, когда увидела, как Ван Ши обнимает своего сына, плачет и смеётся. Её внук был здесь, никто не посмеет избавиться от её дочери. Оглянувшись, она увидела также Гу Тинье и слегка нахмурилась, однако, немного подумав, решила не трогать этого могущественного внука.

— Почему у тебя такое бледное лицо? — нахмурился Гу Тинье, внимательно осмотрев Минлань.

Когда он уходил несколько дней назад, её лицо было румяным, а всего за три дня она побледнела и похудела так сильно, что это было очень заметно.

— Малышка Мин очень устала, заботясь о своей бабушке, — быстро произнесла госпожа Ван.  
— Поскольку Гу хоу здесь, он может забрать её, чтобы она хорошо отдохнула.

— Госпожа Ван, не торопитесь. Как я могу уйти, когда ничего ещё не закончилось? — холодно спросила Минлань.

— Ты замужем, так что не беспокойся о делах своей родной семьи, — госпожа Ван кинула на Минлань взгляд, полный угрозы.

Минлань была так зла, что прошла вперёд и остановилась перед ней.

— Замужняя дочь не имеет ничего общего с семьёй своих родителей? — равнодушно спросил Гу Тинье. — Тогда что вы здесь делаете?

Минлань была ошеломлена услышанным и едва не рассмеялась, этот парень так легко исказил сказанное!

— Раньше эта девушка была уважительной и почтительной, — госпожа Ван холодно фыркнула и указала на Минлань. — Но после того как она вышла замуж в поместье хоу, она не заботится о семье своих родителей и неоднократно перечила своим старшим!

— О, это действительно так? — лицо Гу Тинье всё ещё ничего не выражало. — Я также считаю, что моя жена очень почтительна и благовоспитанна. Что сделала пожилая госпожа Ван, чтобы разозлить такого добродушного человека, как моя жена?

Минлань смотрела на мужчину с широко раскрытым ртом, в комнате было так тихо, что можно было услышать взмах крыльев бабочки. Шен Хун выглядел так, будто его ударили палкой по лицу, рот дядюшки Вана дёрнулся, Ван Ши перестала плакаться Чанбаю, все были удивлены.

Госпожа Ван была в ярости, она похлопала по подлокотнику и заявила:

— Женщина из семьи учёных, которая поступила так, как она, заслуживает смерти! Она осмелилась задержать свою тётю и хочет применить к ней линчевание, и ты смеешь спрашивать меня, в чём причина?!

— Минлань всегда была робкой и не осмеливалась смотреть даже на то, как убивают цыплят, — строго произнёс Гу Тинье. — Она лишается чувств, когда видит кровь. Что сделала тётушка Кан, что она готова пойти на такие меры? Что довело её до этого, пожилая госпожа Ван? — выражение его лица было очень печальным, он покачал головой, и казалось, сожалел о том, что старейшина, сидящий перед ним, считается старейшиной, хотя не ведёт себя, как полагается старейшине.

Минлань посмотрела на мужчину рядом с собой, его высокая фигура заслоняла солнечный

свет, проникающий в дом в полдень, казалось, он сможет защитить её от ветра и дождя, она ощутила, что находится в безопасности. В её сердце горечь смешалась с теплотой, ей хотелось плакать и смеяться одновременно. Трудно было сражаться в одиночку. Теперь она, наконец, поняла, что не одна.

Гу Тинье обвёл взглядом всех членов семьи Ван, Кан Цзинь, поймавший его взгляд, не удержался и сделал шаг назад.

— Тётушка совершила то, что недопустимо совершать, — холодным голосом произнёс он. — Пожилая госпожа Ван в плохом настроении, я могу это понять. Но не стоит сердиться на честных и порядочных людей. Или... Неужели вы обманываете меня и на самом деле ни о ком в семье не заботитесь?

Госпожа Ван никогда не видела такой чёрно-белой инверсии. С того момента, как она вошла в поместье Шен, именно Минлань преследовала семью Ван! Она задрожала от гнева, её лицо сначала посинело, а затем покраснело, на некоторое время она лишилась дара речи.

— Не бойся, — Гу Тинье повернул голову и улыбнулся Минлань.

Минлань испытывала такую горечь и, наконец, могла выплеснуть всё это. Ей нечего было добавить, ей не терпелось наброситься на него и яростно поцеловать.

Вместо этого она опустила свои длинные ресницы, нахмурила тонкие брови, сжала платок в бледных и слабых руках и, выглядя грустной и беспомощной, прошептала, не сдерживая слёз:

— Я никогда не думала... что в этом мире есть такие порочные люди...

Гу Тинье выглядел как старая наседка, которая смотрит на больного птенца. Его глаза смягчились, он вздохнул:

— Бедняжка, ты даже не видела, как убивают цыплят, но теперь вынуждена смотреть, как травят и убивают людей.

Эта пара...

Всех чуть не стошнило кровью — эта бледная и слабая, робкая жена только что спорила с людьми с кровожадным лицом, и хотела убить свою тётушку, и отрубить ей руки и ноги!